

Тело Мориса было безупречно, но при этом инстинктивно отторгало любое инородное вмешательство. Попытки поставить капельницу провалились одна за другой: игла раз за разом просто выскальзывала из кожи, словно выталкиваемая неведомой силой. В конце концов Марко пришлось отказаться от привычного внутривенного вливания и ввести анальгетик Дирсон обычным уколом.

Однако Дирсон почти не помогал. Морис метался в беспамятстве, покрываясь холодным потом, а показатели детектора боли упрямо держались на критической отметке в девяносто делений.

Время тянулось невыносимо медленно. Хань Цзин буквально места себе не находил от терзавшей его тревоги. Но как раз в тот момент, когда его терпение готово было окончательно лопнуть, мучения Мориса наконец утихли. Показания прибора, до этого сопоставимые со схватками при родах, медленно поползли вниз и замерли на отметке шестьдесят пять — уровне боли при серьезном повреждении внутренних органов, который Морис уже был способен терпеть.

Марко уже решил, что худшее позади, но тут возникла новая беда: Морис погрузился в глубокий, беспробудный сон. Как бы Хань Цзин ни звал его, тот не реагировал — его разум словно затерялся в самых дальних глубинах подсознания.

В вопросах, касающихся природы сознания, Марко был бессилен. Опасаясь, что Морису станет только хуже, он отбросил сомнения по поводу нежелательной огласки беременности своего пациента и спешно доложил руководству, запросив помощь профильных специалистов. Впрочем, верхушке Федерального правительства сейчас было не до того: из-за внезапного возвращения миссии SG-I там и без Мориса все стояли на ушах.

Вражеский налет, случившийся две недели назад, не только полностью опустошил энергетические колонны базы, из-за чего отключилось всё атлантическое оборудование, но и унёс здоровье десятков сотрудников. Самым высокопоставленным среди пострадавших оказался отец Мориса — генерал Грант Норман. Из пяти штатных главных врачей базы трое получили ранения во время работы в составе группы экстренного реагирования. Именно благодаря этому Марко и сумел добиться своего перевода обратно на Базу № 9.

Едва база успела возобновить работу, как Звёздные врата открылись вновь. Драматичное возвращение миссии SG-I преподнесло человечеству невероятный сюрприз: они доставили не только космический корабль «Бретон», чьи технологии на световые годы опережали земные, но и живого инопланетянина по имени Симо! Хотя у пришельца вместо рыбьего хвоста были человеческие ноги, его редкие фиолетовые глаза, пленительная, неземная красота и архивные записи первого контакта заставили ученых базы изнывать от любопытства и сомнений. Они подозревали, что Симо и есть та самая таинственная русалка, но доказать это научно не могли. Всестороннее обследование, сопряженное с высокой долей риска, не выявило никаких признаков хвоста — Симо передвигался на обычных, ничем не отличающихся от человеческих ногах.

Как бы то ни было, это стало первым в истории человечества прямым контактом с внеземной цивилизацией. Федеральное правительство отнеслось к событию со всей серьезностью,

незамедлительно направив на базу ведущих лингвистов и авторитетов в области психологии для налаживания контакта с Симо. Однако цивилизации разделяла целая бездна космоса, их языки не имели абсолютно ничего общего. Переговоры топтались на месте, и Симо постепенно начинал выходить из себя.

Глубокой ночью состояние Мориса наконец полностью стабилизировалось, а запрос Марко на привлечение специалистов был одобрен. Пока консилиум врачей готовился к осмотру, Хань Цзину пришлось во второй раз оставить палату. В первый раз его вынудили уйти ради проведения опасных процедур высокого риска, теперь же — из-за категорического требования командования предоставить личный отчет о миссии SG-I.

«Бретон» — это эскортный истребитель, приписанный к космическому кораблю «Кусари». Он оснащен модулем набора координат Звёздных врат.

Космический корабль «Кусари» представляет собой космический авианосец, принадлежащий цивилизации Нордик. Мне не удалось визуально оценить его истинные масштабы, но площадь одного лишь центрального поста управления составляет не менее четырех тысяч квадратных метров. И эта цифра ничуть не преувеличена. Экипаж, состоящий из лиранцев, перемещается по палубам с помощью трех упрощенных Радужных врат.

"Радужные врата" — это альтернативное название Звёздных врат у внеземных рас. По словам лиранца по имени Ари, высшие расы мира Террант, стоящие ближе всех к Руне (например, паэтри, владеющие планетой Uīwc), обладают технологией создания таких порталов.

Если верить словам Симо, то этот отдаленный сектор, подвластный Руне и именуемый миром Идо, когда-то являлся миром Сириуса, где обитали альтераны — создатели Атлантиды. Там же должна находиться и легендарная прародина альтеранов, Город богов Альциона-Венера.

Руна, по всей видимости, представляет собой сверхцивилизацию того же порядка, что и альтераны, сумевшую прорваться в девятимерное пространство. По моему мнению, этот вид не отличается миролюбием. Руна жаждет поклонения. Хотя она и дала жизнь бесчисленным видам, её подход в корне отличается от философии альтеранов.

Если альтераны превозносили равенство рас и свободу мысли, то Руна железной рукой управляет миром Идо, навязав ему подобие жесткой религиозной иерархии. Подчиниться пришлось даже самым развитым цивилизациям, обладающим колоссальными парящими городами-кораблями вроде Ларги, которые величественно дрейфуют в космической бездне подобно малым планетам.

Ларга некогда была любимым детищем Руны и величайшей расой мира Террант. Однако по неизвестным причинам они взбунтовались, перейдя в лагерь так называемых "маргиналов", и были безжалостно уничтожены карающей дланью Руны всего за три часа.

Полагаю, за предательством Ларги кроется глубокая тайна. Сюда же можно отнести существование цивилизации Элохим... Они предпочитают вечное скитание по вселенной,

скрываясь от поисковых отрядов Руны, лишь бы не подчиняться её деспотичной воле.

"Маргиналы" оказались вовсе не дикими варварами, какими я их представлял поначалу. Их технологии намного опережают земные. Среди них есть как развитые общества, так и сверхцивилизации уровня Элохим.

Мой вердикт однозначен: человечеству необходимо немедленно прекратить любые исследования в рамках миссии SG-I. Если Руна узнает о существовании Млечного Пути и вычислит его координаты, для нашей хрупкой цивилизации это обернется неминуемой катастрофой.

Симо назвал людей неженками из теплицы, безмятежно греющимися в лучах угасающего солнца альтеранов. Прежде я не понимал его слов, но теперь, кажется, начинаю осознавать их суть. Однополая физиология, плавное, безопасное накопление знаний шаг за шагом... Быть может, именно таков был прощальный дар альтеранов человечеству перед их собственным исчезновением? Идеальный путь развития, который они для нас наметили? А мы лишь пользуемся им, пребывая в счастливом неведении».

Поставив точку в последнем абзаце отчета, Хань Цзин тяжело вздохнул. Он откинул голову назад и с силой провел ладонями по лицу, прогоняя навалившуюся усталость и сонливость.

На часах был уже час ночи, но в коридорах по-прежнему сновали люди. Кристаллы Туаой мягко светились, заливая всё вокруг изумрудным сиянием. Знакомая до боли База № 9 этой ночью спать не собиралась.

Генерал-лейтенант Евгений с мрачным видом принял рапорт. Этот новичок, прослуживший на базе всего полгода и не заслуживший еще даже звания младшего лейтенанта, вызывал у него глухое раздражение, а его демонстративное нежелание торопиться с бумагами и вовсе выводило из себя.

— До меня дошли слухи... — Евгений отложил рапорт в сторону, даже не взглянув на текст, и впери в Хань Цзина тяжелый, испытующий взгляд. — Что днем ты умудрился устроить тут сцену? Орал на доктора Марко до хрипоты? Да и этот рапорт по миссии SG-I, который от тебя требовали в срочном порядке, ты соизволил сдать только под утро?

— Ты здесь человек новый, но твои выходки вызывают у меня одно лишь разочарование. Ради чего ты торчишь у постели генерала Мориса? Кто ты ему вообще такой? Ты всего лишь его подчиненный!

— Да, мне известно, что вы оба расквартированы в секторе Роедлас, и, надо полагать, успели сойтись поближе. Но позволь мне напомнить одну простую истину: генерал Морис славится своей жесткостью и железной дисциплиной. Он никогда не смешивает службу с личным. Не строй иллюзий — твои нелепые заискивания и дешевое рвение не заставят его изменить к тебе отношение.

— Думай головой и занимайся своими прямыми обязанностями!

Выполняя распоряжение сверху, Евгений ограничился устным выговором за вчерашний инцидент.

— Так точно, сэр. Я действительно погорячился, — Хань Цзин вспомнил вчерашний хаос и, вытянувшись по струнке, отдал генералу честь. — Впредь подобного не повторится.

Глубоко под водой База № 9 была погружена в вечный изумрудный полумрак, сквозь который невозможно было разглядеть яркие солнечные лучи, ласкавшие в этот час поверхность океана.

Сквозь сон брезжил мягкий золотистый свет, бескрайний и умиротворяющий. Казалось, он лежит на теплом песчаном берегу, овеваемый ласковым морским бризом. Тело наполняло блаженное тепло...

Морису казалось, что он видел какой-то бесконечно далекий сон. Но подробности ускользали от угасающего сознания, рассыпаясь мириадами искр, затерянных в бездонной пустоте космоса.

Он смутно чувствовал, что рядом кто-то есть. Кто-то близкий держал его за руку, согревая своим теплом, и оставлял на его лбу знакомые, нежные поцелуи. До ушей доносился тихий, ласковый шепот: «Морис... Морис...»

Вслушиваясь в этот тихий, баюкающий голос, Морис слегка нахмурился и медленно открыл глаза.

— Хань Цзин... — прошептал Морис.

Разглядев лицо спящего рядом юноши, он на мгновение замер. В глубине его сапфировых глаз блеснула непривычная нежность, но уже через секунду к нему вернулось прежнее самообладание.

— Ты очнулся?!

Голос Хань Цзина сорвался от нахлынувшей радости. Он резко приподнялся на постели и бережно коснулся щеки Мориса, словно проверяя, не мерещится ли ему это. Лишь когда он окончательно убедился, что тот действительно пришел в себя, его бешено колотящееся сердце немного успокоилось.

— Как ты себя чувствуешь? Где-нибудь болит? Нет, стой, я сейчас же позову Марко!

— Подожди... — Морис инстинктивно не захотел отпускать его и крепче сжал ладонь юноши.

Он попытался пошевелиться. Невыносимая, раздирающая боль наконец отступила, оставив после себя лишь глухое, тянущее ощущение внизу живота.

«Ребенок?!»

Сердце Мориса испуганно замерло. Приподнявшись на локтях, он поспешно опустил ладонь на свой округлившийся живот. Тревога тут же улеглась — под спину его бережно и надежно поддержали сильные руки.

— С ней всё в порядке, — Хань Цзин нежно приобнял его за плечи, а вторую ладонь положил поверх руки Мориса, согревая место, где теплилась новая жизнь. — Только тебе из-за неё пришлось несладко.

— Всё еще болит? Я всё-таки позову врача.

Прижимая к себе Мориса, Хань Цзин неосознанно усилил хватку, словно обнимал величайшую драгоценность в мире. За те сутки, что его любимый провел в беспомощности, он едва не сошел с ума от беспокойства. Каждая секунда тянулась как вечность, нервы были натянуты до предела, а в груди все выиграло от невыносимого страха.

— Живот всё еще немного тянет, — Морис доверчиво прислонился к плечу юноши.

Несмотря на слабую боль, он оставался спокоен. Он помнил это ощущение: в самом начале, когда он еще не знал о своем положении и не щадил себя на тренировках, живот ныл точно так же. Обычно эта боль быстро проходила.

Хань Цзин бросил взгляд на датчик боли. Показания прибора застыли на тридцати делениях и не поднимались выше со вчерашней ночи.

— Малышка в безопасности, притаилась у тебя внутри, — Хань Цзин ласково поцеловал золотистые пряди, рассыпавшиеся по подушке, стараясь успокоить Мориса. — Твое тело безупречно, врачи называют его идеальным. А эта ноющая боль, по мнению Марко, всего лишь фантомный отголосок спазма. Нервной системе нужно время, чтобы прийти в себя.

— Почему у тебя глаза такие красные? — Морис внимательно взгляделся в лицо юноши и нахмурился, коснувшись пальцами темных кругов, залегших под его глазами.

— Ты что, совсем не спал этой ночью?

Хань Цзин перехватил его ладонь, целуя кончики пальцев, и на его измученном лице наконец скользнула облегченная улыбка.

— Ты проспал целые сутки. Как я мог уснуть, зная, в каком ты состоянии? Слава богу, всё обошлось. Но Марко я всё равно позову чуть позже, — Хань Цзин подался вперед и мягко накрыл своими губами его бледные губы. В его голосе сквозила безграничная нежность.

Морис замер. От этого ласкового прикосновения в груди разлилось щемящее тепло, отзывавшееся легким покалыванием в самых кончиках пальцев.

Они слились в глубоком, упоительном поцелуе, жадно впитывая тепло друг друга. Хань Цзин привычным движением бережно приподнял подбородок Мориса, пропуская сквозь пальцы его шелковистые золотые волосы. Морис медленно закрыл глаза и ответил на поцелуй. Вся его холодность и напускное безразличие растаяли, уступив место мягкой, ласкающей нежности.

Прижимаясь друг к другу, они самозабвенно целовались, упиваясь этой минутой близости и забывая обо всем на свете.

Внезапно раздался тихий щелчок открывающейся двери. Взгляд Мориса мгновенно прояснился. Он едва успел слегка отстраниться, как в палату вошел Марко.

Доктор деликатно кашлянул — то ли заметил неловкую сцену, то ли просто давал о себе знать, — после чего подошел к кровати и принялся проверять показатели жизнедеятельности пациента.

— Показатели идеальные, — Марко, в отличие от Хань Цзина, воспринял пробуждение генерала профессионально сдержанно. — Твой организм полностью восстановился. Что касается ноющей боли, то консилиум пришел к выводу, что это фантомный отголосок перенесенного спазма. В этом нет ничего опасного.

— Тебе нужно просто хорошенько отдохнуть, и всё пройдет само собой. Кстати, Хань Цзин, тебе нужно срочно явиться в сектор Эрра. Тебя вызывает генерал Шерман.

Марко посмотрел на юношу, который по-прежнему стоял у постели Мориса как вкопанный:

— Не переживай, я присмотрю за ним. Насколько мне известно, дело касается твоего личного отчета по миссии SG-I. Из штаба дают, требуют немедленно предоставить документы.

Морис приподнялся и сел, опершись на спинку кровати. Даже в больничной палате, ослабленный болезнью, он выглядел как боевой клинок, убранный в ножны — грозный, собранный и невероятно сильный.

— Служба прежде всего, — Морис посмотрел на Хань Цзина спокойным, ясным взглядом. Его голос вновь обрел привычные командирские интонации. — Ступай. Мне всё равно нужно обсудить с Марко пару вопросов с глазу на глаз.

Хань Цзин на мгновение растерялся, но быстро совладал с эмоциями. Подчинившись приказу старшего по званию, он, тем не менее, проигнорировал присутствие врача: наклонился и нежно запечатлел поцелуй на лбу Мориса.

Едва дверь за юношей захлопнулась, Марко недовольно нахмурился.

— Он что, сейчас пытался заявить на тебя права? Мстит за то, что вчера я не пускал его к тебе? — Марко скрестил руки на груди.

— Хотя ты и сам хорош — позволяешь ему лишнее. С твоей-то реакцией ты мог бы легко увернуться, — Марко присел на край кровати и серьезно посмотрел на кузена. — Объясни мне, как ты пришел к этому решению? Seriously решил оставить ребенка? Ты действительно всё хорошенько взвесил?

Морис мягко погладил свой округлый живот, и в его холодном взгляде блеснула решимость.

— Я всё прекрасно понимаю, — негромко отозвался Морис. — Мой разум, мой здравый смысл твердят, что мы с Хань Цзином принадлежим к совершенно разным мирам. Я никогда в жизни не мог даже представить, что буду безропотно подчиняться мужчине в постели, словно слабая женщина.

— Мой характер, моя гордость восставали против этого нелепого, невозможного чувства. Но оно возникло. Когда я очнулся от иллюзии Атлантиды, меня охватил настоящий страх — страх перед силой эмоций, которые я не мог ни подавить, ни взять под контроль.

— Поэтому я выбрал самый радикальный путь: запер эти чувства под замок в самых темных уголках своей души. Из-за этого я и сам стал казаться окружающим еще более холодным и неприступным.

Морис посмотрел на Марко — точно так же, как в далеком детстве, когда доверял ему свои самые сокровенные тайны.

— Но инцидент с миссией SG-I всё изменил. Когда над нами нависла смертельная угроза, и я искренне поверил, что это конец... в ту самую секунду меня захлестнуло такое мощное, неопишемое чувство. Я отчетливо понял, что даже перед лицом смерти не хочу отпускать его. Я обнимал его, и сердце разрывалось от щемящей тоски при мысли о расставании.

— Эта безумная тревога за него, непреодолимое желание перед смертью хотя бы на миг увидеть его лицо... Ты вряд ли поймешь меня, Марко, но в тот роковой миг я словно прозрел.

— Если чувство заставляет забыть о собственной гибели, то что это, если не любовь? Я всё обдумал и принял свои чувства. Я действительно люблю Хань Цзина. Наверное, я привязался к нему еще тогда, в иллюзии Атлантиды. Тебе не понять, каково это — прожить целую жизнь бок

о бок с человеком в абсолютно реальном, пусть и иллюзорном мире. Та жизнь была вымыслом, но мои чувства к нему — настоящие, они до сих пор горят в моем сердце.

— И почему ты так на меня смотришь? — Морис приподнял уголок губ в легкой усмешке, но во взгляде промелькнула привычная властность высокопоставленного офицера.

— Да, я вынашиваю его ребенка, но я не женщина и никогда не стану играть роль послушной жены. Я остаюсь прежним Морисом Норманом — жестким, самодостаточным четырехзвездным генералом, который сам способен себя защитить. Разве что... это тяжелеющее тело делает меня сейчас чертовски неповоротливым.

Он досадливо вздохнул и слегка растер ноющую поясницу.

Марко мягко улыбнулся:

— Дальше тебе придется еще тяжелее. Беременность — серьезное испытание для организма. К тому же психологическое давление будет колоссальным: уверен, верхушка правительства уже в курсе твоего положения.

— Этого всё равно не скрыть, так что прятаться бессмысленно, — спокойно ответил Морис.

Он прекрасно знал, как устроена Федерация. Те, кто уцелел после инцидентов с атлантическими артефактами, лишь формально пользовались гражданскими свободами. На деле же за каждым из них велось непрерывное негласное наблюдение.

— Меня больше беспокоит Хань Цзин. Он обычный ученый, книжный червь. Справится ли он с косыми взглядами и давлением системы?

— С чего бы тебе о нем переживать? Ты носишь его ребенка, а не он твоего! Тебе о себе думать надо, а не закрывать его грудью, — раздраженно нахмурился Марко. — Я, если честно, вообще не вижу в нем ничего особенного. Происхождение сомнительное, жизненного опыта ноль. Только-только защитил докторскую степень, не проработал в Исследовательском институте С. Ф. и года — совсем еще зеленый мальчишка.

— Он окончил лучший университет планеты, да и Исследовательский институт С. Ф. — научный центр мирового уровня, — возразил Морис, вставая на защиту юноши. — Хань Цзин молод, но чрезвычайно талантлив. Он вырос в самой обычной семье, у него не было тех стартовых возможностей, что у нас. Глупо требовать от него того же.

— Он молод, к тому же на два года младше тебя, — Марко выделил эти слова интонацией. — И поверь, твоему отцу, генералу Гранту, одного этого хватит за глаза. Если дядя узнает, что единственный наследник рода Норманов, его гордость и надежда, забеременел от обычного азиата, своего же подчиненного... Его удар хватит на месте!

— Я уже просил тебя не вмешиваться в мои отношения с отцом, — ледяным тоном оборвал его Морис, и в его глазах застыла угроза. — Что касается Хань Цзина... я сам защищу его от нападок. Если нужно, я помогу ему добиться всего, чего он пожелает.

Марко тихо вздохнул. Он понял, что недооценил кузена: в глубине души Морис оставался все тем же гордым, властным лидером, который привык рассчитывать исключительно на собственные силы и ни от кого не ждал покровительства.

— Ладно, остынь. Не хмурься, а то напугаешь мою будущую племянницу, и она снова начнет пинаться, — Марко примирительно улынулся и осторожно пропальпировал живот Мориса, проверяя положение плода. — Ты можешь сокрушить любого врага, генерал, но перед этой малышкой ты бессилен. Придется терпеть. Всё еще болит?

— Немного... Словно покалывает изнутри, — Морис вздохнул, признавая поражение, и попытался спустить ноги с кровати. — Раз уж это просто нервное, может, мне стоит немного пройтись? Ей это не навредит?

Марко сверился с монитором показателей и согласно кивнул:

— Всё в пределах нормы, можешь немного размяться. Но я бы настоятельно рекомендовал тебе взять отпуск на пару дней. Нужно побереечь себя, постоянный тонус и ноющие боли — не лучший спутник для беременности.

— Хорошо, — Морис задумчиво нахмурился. — Когда ты будешь свободен? Мне нужно пройти полное обследование. Я всё еще беспокоюсь о последствиях приема тех таблеток Содиума.

— Сегодня среда... Думаю, на следующей неделе я выкрою время. Только предупреди меня заранее, чтобы я успел связаться со своими сокурсниками из гинекологического отделения.

— Спасибо тебе, Марко, — Морис опустил ноги на пол при поддержке кузена, но прежде чем обуться в тапочки, внезапно замер на месте.

Марко удивленно приподнял бровь, не понимая причины его замешательства, и шутливо заметил:

— Эй, не переживай ты так. Одежду тебе Хань Цзин лично менял, он с тебя пылинки сдувал, пока ты спал.

— Дело не в этом... — Морис запнулся. Он медленно поднял глаза, и в его обычно бесстрастном взгляде промелькнула едва уловимая тревога. — Отец... он знает обо мне? Он спрашивал, как я?

— Дядя Грант...

— Что с ним? — заметив заминку Марко, Морис резко подался вперед, и его голос заметно дрогнул.

— Когда случилось это ЧП, дядя Грант переживал сильнее всех. Он отказывался отходить от Звёздных врат, надеясь увидеть твое возвращение, и в итоге сильно повредил сетчатку из-за мощнейшей вспышки энергетических колонн, — Марко мягко похлопал его по плечу, успокаивая. — Но не волнуйся, худшее позади. Я видел его карту: зрение постепенно восстанавливается, сейчас он уже различает силуэты. Думаю, через месяц-другой он полностью поправится.

<http://bllate.org/book/19677/2006460>